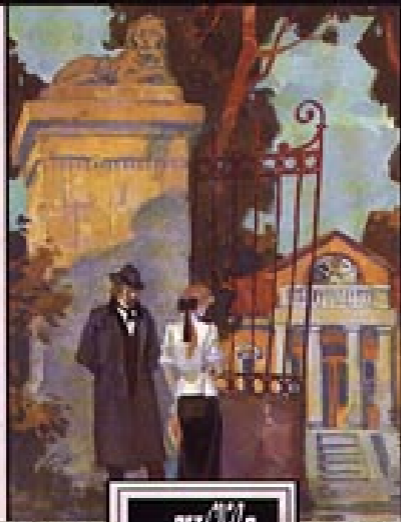

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

А.П.ЧЕХОВ

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Антон Павлович Чехов

Женское счастье
(Рассказы)

Впервые напечатано в журнале "Осколки", 1885, N37.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Хоронили генерал-лейтенанта Запупырина. К дому покойника, где гудели похоронная музыка и раздавались командные слова, со всех сторон бежали толпы, желавшие поглядеть на вынос. В одной из групп, спешивших к выносу, находились чиновники Пробкин и Свистков. Оба были со своими женами.

– Нельзя-с! – остановил их помощник частного пристава с добрым, симпатичным лицом, когда они подошли к цепи. – Не-ельзя-с! Пра-ашу немножко назад! Господа, ведь это не от нас зависит! Прошу назад! Впрочем, так и быть, дамы могут пройти... пожалуйста, mesdames, но... вы, господа, ради бога...

Жены Пробкина и Свисткова зарделись от неожиданной любезности помощника пристава и юркнули сквозь цепь, а мужья их остались по сю сторону живой стены и занялись созерцанием спин пеших и конных блюстителей.

– Пролезли! – сказал Пробкин, с завистью и почти ненавистью глядя на удалявшихся дам. – Счастье, ей-богу, этим шиньонам! Муж-

скому полу никогда таких привилегий не будет, как ихнему, дамскому. Ну что вот в них особенного? Женщины, можно сказать, самые обыкновенные, с предрассудками, а их пропустили; а нас с тобой, будь мы хоть статские советники, ни за что не пустят.

– Странно вы рассуждаете, господа! – сказал помощник пристава, укоризненно глядя на Пробкина. – Впусти вас, так вы сейчас толкаться и безобразить начнете; дама же, по своей деликатности, никогда себе не позволит ничего подобного!

– Оставьте, пожалуйста! – рассердился Пробкин. – Дама в толпе всегда первая толкается. Мужчина стоит и смотрит в одну точку, а дама растопыривает руки и толкается, чтоб ее нарядов не помяли. Говорить уж нечего! Женскому полу всегда во всем фортуна. Женщин и в солдаты не берут, и на танцевальные вечера им бесплатно, и от телесного наказания освобождают... А за какие, спрашивается, заслуги? Девушка платок уронила – ты подними, она входит – ты вставай и давай ей свой стул, уходит – ты провожай... А возьмите чины! Чтоб достигнуть, положим, статского со-

ветника, мне или тебе нужно всю жизнь протрубить, а девица в какие-нибудь полчаса обвенчалась со статским советником – вот уж она и персона. Чтобы мне князем или графом сделаться, нужно весь свет покорить, Шипку взять, в министрах побывать, а какая-нибудь, прости господи, Варенька или Катенька, молоко на губах не обсохло, покрутит перед графом шлейфом, пощурит глазки – вот и ваше сиятельство... Ты сейчас губернский секретарь... Чин этот себе ты, можно сказать, кровью и потом добыл; а твоя Марья Фомишна? За что она губернская секретарша? Из поповен и прямо в чиновницы. Хороша чиновница! Дай ты ей наше дело, так она тебе и впишет входящую в исходящие.

– Зато она в болезнях чад родит, – заметил Свистков.

– Велика важность! Постояла бы она перед начальством, когда оно холоду напускает, так ей бы эти самые чада удовольствием показались. Во всем и во всем им привилегия! Какая-нибудь девица или дама из нашего круга может генералу такое выпалить, чего ты и при экзекуторе не посмеешь сказать. Да...

Твоя Марья Фомишна может смело со статским советником под ручку пройтись, а возьми-ка ты статского советника под руку! Возьми-ка, попробуй! В нашем доме, как раз под нами, брат, живет какой-то профессор с женой... Генерал, понимаешь, Анну первой степени имеет, а то и дело слышишь, как его жена чешет: «Дурак! дурак! дурак!». А ведь баба простая, из мещанок. Впрочем, тут законная, так тому и быть... испокон века так положено, чтоб законные ругались, но ты возьми незаконных! Что эти себе дозволяют! Во веки веков не забыть мне одного случая. Чуть было не погиб, да так уж, знать, за молитвы родителей уцелел. В прошлом году, помнишь, наш генерал, когда уезжал в отпуск к себе в деревню, меня взял с собой, корреспонденцию вести... Дело пустяковое, на час работы. Отработал свое и ступай по лесу ходить или в лакейскую романсы слушать. Наш генерал – человек холостой. Дом – полная чаша, прислуги, как собак, а жены нет, управлять никому. Народ все распущенный, непослушный... и над всеми командует баба, экономка Вера Никитишна. Она и чай наливает, и обед зака-

зывает, и на лакеев кричит... Баба, братец ты мой, скверная, ядовитая, сатаной глядит. Толстая, красная, визгливая... Как начнет на кого кричать, как поднимет визг, так хоть святых выноси. Не так руготня донимала, как этот самый визг. О господи! Никому от нее житья не было. Не только прислугу, но и меня, бестия, задираала... Ну, думаю, погоди; улучу минутку и все про тебя генералу расскажу. Он погружен, думаю, в службу и не видит, как ты его обкрадываешь и народ жуешь, постой же, открою я ему глаза. И открыл, брат, глаза, да так открыл, что чуть было у самого глаза не закрылись навеки, что даже теперь, как вспомню, страшно делается. Иду я однажды по коридору, и вдруг слышу визг. Сначала думал, что свинью режут, потом же прислушался и слышу, что это Вера Никитишна с кем-то бранится: «Тварь! Дрянь ты этакая! Черт!» – Кого это? – думаю. И вдруг, братец ты мой, вижу, отворяется дверь и из нее вылетает наш генерал, весь красный, глаза выпученные, волосы, словно черт на них подул. А она ему вслед: «Дрянь! Черт!»

– Врешь!

– Честное мое слово. Меня, знаешь, в жар бросило. Наш убежал к себе, а я стою в коридоре и, как дурак, ничего не понимаю. Простая, необразованная баба, кухарка, смерд – и вдруг позволяет себе такие слова и поступки! Это, значит, думаю, генерал хотел ее рассчитать, а она воспользовалась тем, что нет свидетелей, и отчеканила его на все корки. Все одно, мол, уходить! Взорвало меня... Пошел я к ней в комнату и говорю: «Как ты смела, негодница, говорить такие слова высокопоставленному лицу? Ты думаешь, что как он слабый старик, так за него некому вступиться?» – Взял, знаешь, да и смазал ее по жирным щекам разика два. Как подняла, братец ты мой, визг, как заорала, так будь ты трижды неладна, унеси ты мое горе! Заткнул я уши и пошел в лес. Этак часика через два бежит навстречу мальчишка. «Пожалуйте к барину». Иду. Вхожу. Сидит, насупившись, как индюк, и не глядит.

– «Вы что же, говорит, это у меня в доме выстраиваете?» – «То есть как? говорю. Ежели, говорю, это вы насчет Никитишны, ваше-ство, то я за вас же вступился».– «Не ваше

дело, говорит, вмешиваться в чужие семейные дела!»— Понимаешь? Семейные! И как начал, брат, он меня отчитывать, как начал печь — чуть я не помер! Говорил-говорил, ворчал-ворчал, да вдруг, брат, как захохочет ни с того ни с сего. — «И как, говорит, это вы смогли?! Как это у вас хватило храбрости? Удивительно! Но надеюсь, друг мой, что все это останется между нами... Ваша горячность мне понятна, но согласитесь, что дальнейшее пребывание ваше в моем доме невозможно...» — Вот, брат! Ему даже удивительно, как это я смог такую важную паву побить. Ослепила баба! Тайный советник, Белого Орла имеет, начальства над собой не знает, а бабе поддался... Ба-альшие, брат, привилегии у женского пола! Но... снимай шапку! Несут генерала... Орденов-то сколько, батюшки светы! Ну, что, ей-богу, пустили дам вперед, разве они понимают что-нибудь в орденах?

Заиграла музыка.